

Бюллетень Религіозно-Педагогического Кабинета

№ 10

№ 10

О національномъ воспитаніи.

П

Мы формулировали въ предыдущей статьѣ задачи національнаго воспитанія въ слѣдующихъ словахъ: «національное воспитаніе должно пробуждать національный эросъ и оформлять его идеей служенія родинѣ». По существу, это не двѣ, а одна задача, ибо эросъ никогда не остается безъ оформленія — его естественная діалектика ведетъ къ «идеологіи», переходитъ въ конкретные замыслы и планы. Но все же, въ порядкѣ анализа, можно и должно различать задачу пробужденія національнаго эроса и идею служенія родинѣ, — тѣмъ болѣе, что возможно одностороннее и потому нездоровое развитіе одной стороны за счетъ другой. Національный эросъ охватываетъ ту непосредственную тягу души къ родинѣ, въ которой мы ощущаемъ неразрывность нашей связи съ родиной, чувствуемъ ея единственность для насъ, ея незамѣнимость — и въ то же время сознаемъ ея красоту и величіе, любимъ ея и поклоняемся ея свѣтлому лику и въ радости этого любованія сознаемъ себя ея дѣтьми. Въ національномъ эросѣ эстетическое созерцаніе единственности и красоты родины сливается съ неизъяснимымъ чувствомъ, что лишь въ ней и съ ней мы находимъ самихъ себя: не чужое нѣчто любимъ мы въ родинѣ, но любимъ то, отъ чего сами родились, что свѣтитъ нашей душѣ, какъ ея самое подлинное и самое глубокое существо. Высшая точка національнаго эроса дана не въ гордомъ сознаніи своей принадлежности къ родинѣ, не въ тщеславномъ упоеніи тѣмъ, что наша родина краше и лучше всѣхъ другихъ странъ, — эта высшая точка заключается въ чувствѣ, что родина есть *мать*, что мы ея дѣти, ея созданіе. Оттого и велика творческая мощь національнаго эроса, что онъ освобождаетъ

насъ, въ этой высшей точкѣ, отъ бесплоднаго національнаго тщеславія и пустого самовозвеличенія въ національной гордости. Это тщеславіе, эта гордость — не эросъ національный, а свидѣтельство духовной скудости нашей, — въ эросѣ же, обращенномъ къ родинѣ, есть не только свобода отъ мелочности, но и великая радость, свѣтлое чувство о родинѣ-матери, творческое цвѣтеніе души. Не всегда душа восходитъ и дорастаетъ до этого чувства, но лишь тамъ, гдѣ рождается это чувство, душѣ открывается великая сила и правда національнаго чувства. Не на презрѣніи и неуваженіи къ другимъ народамъ зиждется оно, а на томъ пламенѣйшии души, съ которымъ она обращается къ родинѣ: какъ мать моя ближе всѣхъ мнѣ въ мірѣ, такъ несравнима и незамѣнима моя родина, которой душа отдаетъ самый чистый огонь, самая лучшія и нѣжныя движенія свои. И когда душа осознаетъ это чувство, она никогда уже не отойдетъ отъ родины, ибо пойметъ, что внѣ родины вся жизнь становится пустой и ненужной. Ничто не вскрываетъ прямѣе и проще всей глубины, всей поэзіи и всей правды чувства родины, какъ родныя пѣсни: слушая ихъ, душа открывается въ самыхъ завѣтныхъ тайникахъ своихъ, живетъ самой полной и подлинной своей жизнью.

Въ свѣтѣ этихъ размышленій становится ясно, что національное чувство, достигшее своего подлиннаго раскрытія, свободное отъ соблазновъ тщеславія и гордости, является однимъ изъ цѣннѣйшихъ и продуктивнѣйшихъ проявленій *духовной жизни въ насъ*. Любовь къ родинѣ не есть, въ свѣтѣ этого, простая привязанность души къ тому цѣлому, въ которомъ она родилась, а есть большая и глубокая жизнь души, есть выраженіе ея роста и раскрытія, ея восхожденія къ высотамъ духовной жизни. Любовь къ родинѣ

есть и симптомъ духовной жизни и живой источникъ духовныхъ силъ, — а слѣдовательно, она связана съ самымъ глубокимъ началомъ въ насъ. Необходимо уразумѣть духовное качество, духовную природу любви къ родинѣ, чтобы совершенно отбросить идею т. наз. «зоологическаго націонализма»: ничего низшаго, ничего узкаго не заключаетъ въ себѣ чувство родины, и если встрѣчаются все же такіе случаи, когда національное чувство напоминаетъ примитивный, грубый эгоизмъ, то источникъ этого лежитъ **не въ природѣ національнаго чувства, а въ общихъ условіяхъ духовной жизни въ насъ.** Будучи формой духовной жизни въ насъ, чувство родины подчинено общимъ законамъ духовной сферы, и если духовная жизнь наша темна и неустроена, то нечего удивляться, что и чувство родины станетъ темнымъ. Какъ проявленіе духовной жизни въ насъ, чувство родины соподчинено всему тому, что совершается внутри насъ, — и здѣсь и надо искать причины того, почему чувство родины можетъ принимать черты духовной скудости, переходить въ формы, не отвѣчающія его основному смыслу.

Нельзя думать поэтому объ изоляціи чувства родины, о его самодовлѣющемъ обособленіи, нельзя и развивать его отдѣльно отъ духовной жизни въ насъ вообще. Воспитаніе національнаго чувства заключается не только въ томъ, чтобы пробудить самое чувство родины, не только въ томъ, чтобы раскрыть и утвердить его духовный смыслъ, — **но оно является частью духовнаго воспитанія вообще.** Къ сожалѣнію, обычно остается безъ вниманія именно этотъ кардинальный фактъ; сплошь и рядомъ довольствуются тѣмъ, что стремятся лишь пробудить національное чувство, не боясь даже итти къ этому завѣдомо невірными путями (напр., черезъ развитіе презрѣнія къ другимъ народамъ и т. д.). Нечего удивляться поэтому, что такъ часто огонь національнаго чувства даетъ больше разрушительнаго, чѣмъ творческаго дѣйствія, что національное чувство такъ легко переходитъ въ шовинизмъ и оказывается бесплоднымъ и бездѣйнымъ. Шемящее чувство грусти, которое остается въ душѣ отъ встрѣчи съ такими извращеніями національнаго чувства, связано съ тѣмъ, что безусловная цѣнность этого чувства теряется, благодаря общей духовной темнотѣ...

Въ наши дни, когда такъ остро и напряженно чувство родины у всѣхъ, приходится

все же нерѣдко встрѣчаться съ фактомъ внутренняго обдѣнненія этого чувства, — въ силу указанныхъ причинъ. Столь многие не понимаютъ духовной природы чувства родины, не хотятъ никакой духовной жизни, кромѣ любви къ родинѣ, и тѣмъ ее обдѣняютъ, а потому и искажаютъ. Не спасаетъ положенія и то, когда вмѣстѣ сочетаются національное чувство съ преданностью церкви: отъ этого вышшняго соединенія національной и религіозной сферы ничего продуктивнаго не получается. Пути воспитанія національнаго чувства идутъ черезъ общее развитіе духовной жизни, а не черезъ обрядовую религіозность. Это тѣмъ болѣе важно сознать, что молодежь нашего времени такъ часто живетъ очень глубокимъ и яркимъ чувствомъ родины, но этотъ національный пафосъ нерѣдко остается бесплоднымъ и безжизненнымъ. Онъ не оживляетъ всего внутренняго міра, не сообщаетъ творческимъ порывомъ, не сообщаетъ духовныхъ силъ, вообще остается богатствомъ, которымъ не умѣетъ пользоваться душа и которое въ силу этого пропадаетъ. Одной изъ самыхъ серьезныхъ задачъ, стоящихъ передъ русскимъ обществомъ въ наше время, является задача использования той великой и творческой духовной энергіи, которая заключена въ національномъ пафосѣ у нашей молодежи. Безъ надлежащаго использования эта великая сила пропадаетъ безслѣдно...

Сводя воедино наши замѣчанія, мы можемъ сказать, что воспитаніе чувства родины должно имѣть передъ собой двѣ указанныхъ задачи: оно должно возводить чувство родины въ его чистыхъ духовныхъ высотъ, до его духовнаго существа, освобождая отъ всего того мелкаго и негативнаго, что прилипаетъ къ нему, — а съ другой стороны, оно должно связывать его съ всей духовной жизнью въ насъ и способствовать движенію этой жизни въ насъ. Национальное воспитаніе осуществляется не черезъ изоляцію національнаго чувства, не черезъ сосредоточеніе на немъ, а черезъ просвѣтленіе и углубленіе его въ связи со всей духовной жизнью. И здѣсь надо ясно сознать, что такое углубленіе возможно **лишь черезъ уясненіе религіознаго смысла чувства родины:** всякое иное включеніе въ духовную жизнь чувства родины заключаетъ въ себѣ новыя трудности и опасности. Лишь уясненіе религіознаго смысла чувства родины доводитъ его до той глубины, на которой раскрывается все идейное богатство, вся

творческая сила этого чувства. Лишь через религиозное осмысление національного чувства может осуществиться то сочетание национального эроса с идеей служения родинѣ, о котором мы говорили раньше, такъ какъ внѣ религиознаго осмысленія національнаго чувства, моральное оформленіе его никогда не можетъ быть стойкимъ и внутреннимъ. Вся проблематика національнаго воспитанія, всѣ его внутреннія трудности связаны имен-

но съ этимъ пунктомъ національный: эросъ непременно долженъ быть оформленъ идеей служенія родинѣ, но это оформленіе получаетъ подлинный и творческий характеръ лишь на почвѣ религиознаго осмысленія національнаго чувства.

Мы намѣтили этотъ основной тезисъ національной педагогики и намъ необходимо теперь развить его.

В. В. Зѣньковскій.

ХРОНИКА

Протоколъ Религіозно-педагогическаго совѣщанія.

(Продолженіе)

В. В. Зѣньковскій въ своемъ заключительномъ докладѣ говорить:

— Я переживаю болѣзненно изолированность Р.-П. Кабинета отъ общества. Какъ воспользоваться всѣмъ работой Кабинета? Черезъ годъ состоится въ Салоникахъ, по инициативѣ Стокгольмскаго объединенія, совѣщаніе представителей православныхъ педагоговъ (на Балканахъ) для обсужденія вопроса помощи православнымъ Церквамъ въ ихъ работѣ. Кабинетъ предпринимаетъ для объединенія православныхъ педагоговъ на Балканахъ рядъ изданій на французскомъ языкѣ. Въ чемъ основная тема православной педагогики? Иностранные педагоги чрезвычайно много сдѣлали въ области работы съ молодежью: у протестантовъ, у католиковъ — въ Америкѣ и въ Европѣ. Но христіанскіе педагоги до сихъ поръ не живутъ въ своей работѣ **Новымъ Завѣтомъ**, и мнѣ хочется чтобы въ этомъ направленіи было сказано послѣднее слово, несказанно еще православной педагогики. Не было вѣры въ дѣтскую природу, не было осознанія того, что ребенку открытъ законъ Христовъ; даже Апостолы не поняли того, отгоняя дѣтей отъ Христа. Первое, что намъ надо — это до конца понять и принять новозавѣтныя

луть въ общеніи съ ребенкомъ. Надо помнить о свободѣ. Тема свободы очень глубоко взята въ протестантскомъ мірѣ, но у нихъ нѣкоторое натуралистическое понятіе о свободѣ. Надо искать православнаго осуществленія свободы: Познайте истину и она васъ сдѣлаетъ свободными» 2) надо сказать что помимо новозавѣтности и церковности въ православной педагогикѣ должно быть до конца осознано мѣсто догматики. Намъ ждетъ очень важная и отвѣтственная встрѣча въ Салоникахъ. Мы, русскіе, привыкли думать, что православіе только у насъ. Это невѣрно. Другіе православные міры тоже сильны, и встрѣча съ ними для насъ путь большаго смиренія. Россія должна раскрыть еще свою православность. Эта готовящаяся конференція не просто смѣръ силъ, она ставитъ большую задачу объединенія православныхъ между собою. Мы, русскіе, сможемъ занять уготованное мѣсто, если мы до конца осознаемъ, важность своей работы. Пусть Религіозно-Педагогическій Кабинетъ станетъ тутъ тѣмъ центромъ, которому положено будить русскую религіозно-педагогическую работу. — Выполнили ли мы, дѣль нашего совѣщанія? Мнѣ кажется что да. Мы хотѣли поднять отъ практическихъ трудностей до четкаго осознанія проблемъ религіознаго воспитанія и въ